

О. Б. Степанова

**КРАСНЫЕ СЕЛЬКУПЫ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ТАЗА И ТУРУХАНА**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-91-99

УДК 94(571.51)''1920''

ББК 63.3(253.5)61+63.521(=667)

В исследовании рассматривается период первых революционных преобразований в жизни северных селькупов. Первыми шагами советской власти по отношению ко всем кочевым народам Туруханского края стала отмена ясака и долгов инородцев русским купцам, а также кампания обеспечения населения края продовольственным пайком, проводившаяся с опорой на фактории — торгово-заготовительные пункты в отдаленных промысловых районах. Вслед за этим фактории были превращены в базы советского государственного строительства: там проходили съезды родов и племен, избиравшие органы народного самоуправления — кочевые советы и туземные родовые исполнительные комитеты, которые там же и размещались. С середины 1920-х гг. радикальным изменениям подверглась хозяйственная сфера, и фактории стали проводником хозяйственных реформ. На их базе для кочевого населения были организованы потребительские кооперативы, а затем новые формы хозяйственных объединений — первичные производственные общества и колхозы. Через фактории первые коллективные хозяйства на основе кредитования получали средства производства (сети, невода, капканы, лодки, бочки и пр.), здесь шло обучение новым методам ведения хозяйства, организовывалось соцсоревнование. При этом они сохраняли свою торгово-заготовительную функцию. Служащие факторий этого периода были продавцами-товароведами, политагитаторами, культпросветработниками, охотоведами, зоотехниками, знатоками рыбозаготовок и т. д. Роль факторий уменьшилась, когда в районе на их основе возникли первые поселки.

Ключевые слова: *селькупы, история, этнография, фактории, революция, преобразования, кооперация, колхозы, Туруханский край*

Бассейны рек Таза и Турухана — «народообразующая» территория северных селькупов (устарелое название — остяки, остяко-самоеды). Кроме селькупов, в меньшем числе ее населяли эвенки (тунгусы), кеты (енисейские остяки), ненцы (юраки), ханты (остяки) и русские. История этого района и его населения до сих пор не написана. В данном исследовании рассматривается отрезок истории с 1920 по 1940 гг., ставший для населения Таза и Турухана временем первых революционных преобразований и становления советской власти, эпохой радикальных перемен и ломки существовавших столетиями традиций.

Сведений, проливающих свет на селькупскую историю первых двух десятилетий советской власти, в источниках содержится мало, они находятся в дискурсе других проблем и носят косвенный и рассеянный характер, поэтому главной задачей исследования стали сбор и систематизация имеющегося материала

с последовательным его изложением в хронологическом порядке. Выявление же причинно-следственных связей событий следует рассматривать как задачу второго плана.

С 1852 г. территория бассейнов рек Таза и Турухана, где проживали северные селькупы, входила в состав Туруханского края Енисейской губернии с административным центром в городе Туруханске. После февральской революции 1917 г., в первых числах марта, по распоряжению из Петрограда губернатор Енисейской губернии Я. Г. Гололобов был отстранен от должности. Представлять власть Временного правительства в губернии стали назначенные комиссары. Одновременно в Красноярске начал работать Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов, сформированный местными социал-демократами. В уездах также были организованы советы. Таким образом, в губернии сложилось двоевластие. После октябрьского переворота в Петрограде исполком Красноярского совета заявил о взятии на себя всей полноты власти в губернии. В ноябре–декабре 1917 г. власть советов была провозглашена во многих уездных городах, в том числе в Туруханске. Туруханский комиссар Временного

Степанова Ольга Борисовна — к.и.н., н.с. отдела Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: stepanova67@mail.ru

правительства бежал на север края. В силу удаленности населенных пунктов от центра власть Туруханского совета в крае была лишь номинальной. В июне 1918 г. в Енисейской губернии произошел чешско-белогвардейский контрреволюционный переворот и советская власть была свергнута. Советские руководители бежали в село Монастырское (Туруханск), но были пойманы и казнены. Восстановление власти советов в губернии произошло только в январе 1920 г.

Коренное население Таза и Турухана в происходящих вдалеке переворотах участия не принимало. Новости о событиях приходили туда с большим опозданием, и сложно представить, в какой интерпретации. Можно сказать, что в перечисленных политических событиях некоторым образом принял участие единственный русский житель тазовской тундры, поселившийся здесь в 1891 г., Павел Владимирович Завадовский. «Многие годы прожил он на Тазу (несколько выше Тазовской церкви), здесь построился, сколотил себе значительное хозяйство (400 оленей). Обзавелся семьей. В 1917 г. он был призван на войну. Срочно ликвидировал свое хозяйство, оленей распродал. В городе Завадовский узнал о революции. Местная власть (новая уже) сначала отправляла его обратно, заявляя, что война кончилась и декреты о призыве аннулированы, но через неделю его отправили в Красноярск. Там у него обнаружили старый суставный ревматизм, и он был признан негодным. Два месяца пролежал в госпитале, потом отправился обратно. Деньги за это время упали с катастрофической быстротой. Вчера еще состоятельный человек превратился в нищего».¹

В царское время большая часть кочевого населения Таза и Турухана жила в крайней нужде и бедности. «Алексею Тетерину было 30 лет; семья его состояла из жены, троих сыновей — 10 лет, 6 и 4 л. и девчонки — 3 л. Живет он в яме в окрестностях Туруханска: разгреб снег и обставил стенки елками. У него одна собачонка, помогающая тянуть санку со скарбом. Скарб его составляют: один котел, два топоришка, две чашки, две парки (шуба из оленьей шкуры), одна оленья постель и небольшая санка. В лесу оставлены одно ружьишко, одна ветка (легкая долбленая лодочка) и несколько берестяных тисок (брзенты из

вареной бересты в 4 метра длины и в 1,5 ширины). Вот и все его имущество».² В источниках подобных свидетельств сохранилось множество.

История развития отношений товарного обмена между русскими купцами и кочевыми народами Севера насчитывает несколько веков. К концу XIX в. жители тайги и тундры в значительной степени зависели от производимых русской промышленностью товаров. В начале XX в. селькупы Таза и Турухана снабжались, выходя к русским селениям на Енисее (к селам Туруханску и Верхне-Инбатскому), а также к двум хлебозапасным магазинам, расположенным на Тазу (в районе Пристани Сидоровской) и на Турухане (в местечке Янов Стан). Есть сведения, что русские купцы выезжали торговать с местными жителями в низовья Таза. Часть селькупского населения, жившего в верховьях Таза и Тольки, закупала продукты, боеприпасы и мануфактуру в селе Ларьяк, расположенном в верховьях Ваха, тяготая к нему территориально. Частные торговцы, пользуясь плохой товарной обеспеченностью кочевых жителей, как правило, в несколько раз завышали цены на свои товары, одновременно занижая цены на покупаемую у местного населения пушнину и рыбу. Обычной практикой были спаивание и прямой обман доверчивых инородцев. Определенную роль в обнищании аборигенов сыграл ряд неурожайных лет на белку и соболя. Большинство инородцев имело в хлебозапасных магазинах и купеческих лавках огромный «вечный» долг, который переходил «по наследству» к их детям и внукам, и размер его часто даже не был им известен. Ту часть остяко-самоедов, которая не имела возможности выезжать в пункты, где велась торговля, закабалили их богатые соплеменники, которые, вернувшись с факторий, устраивали свои ярмарки, продавая товары по завышенным ценам. Трехлетний период смены государственной власти и Гражданской войны, загнавший экономику страны в глубокий кризис, еще больше усугубил бедственное положение жителей местных земель: было почти полностью прекращено снабжение жителей Севера хлебом и боеприпасами.

В начале XX в. в Енисейской губернии стали возникать простейшие потребительские кооперативы, которые осуществляли снабжение населения, конкурируя в этой сфере

¹ Гаген-Торн Н. И. Прокофьевы в Яновом Стане // ЭО. 1992. № 4. С. 99.

² Островских П. Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце 19 в. // Советский Север. 1931. № 7/8. С. 170.

с частниками. Деятельность кооперативных обществ опиралась на фактории — торговоснабженческие и заготовительные пункты, открывавшиеся в отдаленных промысловых районах. К началу 1920-х гг. большая часть кооперативов была объединена в Енисейский губернский союз кооперативов — Губсоюз. Гражданская война и экономический кризис приостановили его работу.

После своего возвращения в 1920 г. советская власть первыми декретами освободила коренное население Севера от уплаты налогов (ясака), упразднила на Севере деятельность частного торгового капитала, отменив все имевшиеся долги инородцев, и запретила продажу им спирта. Обеспечение кочевого населения Севера продовольствием было объявлено одной из важнейших задач, требующих незамедлительного решения.

В 1921–1922 гг. Енисейским губернным союзом кооперативов, перешедшим в подчинение к новой власти, была предпринята кампания по снабжению туруханских племен продовольствием. Базами проведения кампании стали фактории, куда были завезены пайки на каждого едока. Первые фактории Губсоюза в бассейнах Таза и Турухана были открыты на месте старых хлебозапасных магазинов — в селе Монастырском (Туруханске) и в Яновом Стане.³

Рассчитав, что «силою вещей туземцы в своем большинстве будут вынуждены выйти на фактории Губсоюза для забора необходимых для них предметов (хлеб, охотничьи припасы, табак, чай и пр.)», Губсоюз произвел перепись кочующего населения и собрал данные по вопросам его экономического быта. Каждому кочевому жителю, выходящему на факторию, была выдана особая расчетная книжка, на последней страничке которой заносились сведения о составе его семьи, его экономическом благосостоянии, районе кочевания и пр.⁴

Полученные в ходе кампании Губсоюза сведения о населении и опыт контактов с ним были учтены в дальнейшей работе по интеграции кочевых народов Туруханского края в систему советского государства. Кампания показала, что осуществление этой работы возможно только с опорой на фактории.

Процесс советизации в отношении групп кочевого населения начался в 1921–1922 гг. Первым шагом власти в деле советского го-

сударственного строительства среди кочевых племен стало создание системы народного самоуправления. Для этого была использована дореволюционная форма организации кочевых народов — сугланы, т. е. общеродовые съезды, собрания рода/племени. До революции они проводились в пунктах сдачи ясака, где располагались хлебозапасные магазины и купеческие лавки. На сугланах выбирались старосты или князьцы, ведавшие в племени сбором ясака и учетом долга соплеменников. При советской власти сугланы-съезды стали устраиваться на факториях. Здесь избирались родовые советы. Затем родовые советы племен на съезде избирали туземный родовой исполнительный комитет (тузрик).

В 1925 г. в связи с изменениями государственного административного деления бассейны Таза и Турухана вошли сначала в Монастырский (Туруханский) и Тазовский районы Туруханского края, а затем, в 1928 г., в Туруханский район Красноярского округа Сибирского края.

К 1929 г. все группы населения Таза и Турухана уже имели свои родовые советы. Баишенский родовой совет охватывал остяко-самоедское население нижнего течения Турухана и его правых притоков — рек Верхняя и Нижняя Баиха. К Баишенскому совету относилась 71 семья. Население верхнего течения Таза до водораздела рек Ватыльки и Тольки по левому берегу и Таза с рекой Печалькой — по правому относились к Верхне-Тазовскому родовому совету. В него входило 85 хозяйств (477 едоков), из которых 29 хозяйств было тунгусскими, остальные — остяко-самоедскими. Среднее течение Таза к северу до Сидоровской пристани населяли остяко-самоеды Тымско-Караконского родового совета. В нем насчитывалось 110 хозяйств (662 едока), в том числе 2 хозяйства ваховских остяков, 2 — тунгусов и несколько — «хандаяров» (лесных ненцев), т. е. Пянхазово. Ниже Сидоровска начиналась территория юраков. Здесь проживало 42 семьи (258 едоков) и 5 семей обюрочившихся остяко-самоедов. Тунгусы чапогиро-панкагирского рода занимали бассейн Турухана, кроме его нижнего течения; их территория граничила с Тазом от Сидоровска до устья реки Лючияга. Всего здесь насчитывалось 25 семей (132 едока).

Вышеназванные группы относились к Тазовскому Туруханскому тузрику. Дальше на север начиналась территория Тазовского Обдорского

³ См.: Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925. С. 75.

⁴ Там же. С. 3, 4.

тузрика Уральской области, населенная обдорскими юраками.

На западе, по водоразделу рек Ватыльки и Тольки, Верхне-Тазовский родовой совет граничил с остяко-самоедами (ассимилирующими жившую здесь группу ваховских остяков) Прасинского родowego совета Ваховского тузрика Томского округа. Они в количестве 12–15 хозяйств населяли бассейн реки Тольки до системы озер Лозыль-то, которые они делили с остяко-самоедами Тымско-Караконского родowego совета.⁵

С 1922 г. в Енисейской губернии началось образование новых торгово-снабженческих и кооперативных обществ. Первым и самым крупным из них стал Госторг (Сибторг) — государственная экспортно-импортная организация, внутри страны занимавшаяся заготовительной деятельностью, а за ее пределами торговавшая традиционными товарами российского экспорта. На открытых Госторгом факториях местные жители создавали свои общества потребителей (кооперативные товарищества), что давало им возможность получить по ссуде или в кредит завезенные на факторию товары: ружья, боеприпасы, рыболовные снасти, материалы для изготовления сетей и ловушек, муку, чай, сахар, мануфактуру (сукно, женские украшения, кожу-юфть для оленьих упряжей). Бедняцким и середняцким хозяйствам — членам кооперативов выдавали ссуду оленями, по 10 голов на одно хозяйство. По ссудам селькупы также получали оленьи шкуры (из них изготавливались покрывки зимних чумов, постели, шилась одежда и обувь, ими оклеивались лыжи). Возвращать кредит можно было пушниной, рыбой и мясом. Выдаваемые ссуды и кредиты нередко были безвозвратными. Принципом советской торговли стали высокие цены на пушнину и низкие — на продукты и мануфактуру. Заведовали госторговскими факториями председатели потребительских обществ, которых выбирали из местных жителей. В 1926 г. в Туруханском районе имелось уже 6 национальных потребительских обществ.⁶ Приехавших на факторию промысловиков должны были обслужить в любое время суток и напоить с дороги чаем,

для чего при факториях устраивались чайные и выделялся гостевой фонд.

Госторгу принадлежала фактория Янов Стан (ее называли «центром Тазовской тундры»). Здесь размещался Тазовский Туруханский тузрик, объединявший почти все родовые советы Таза и Турухана. Янов Стан был расположен в верхнем течении Турухана, в 480 км от села Туруханск. Один раз в год по большой воде сюда заходил пароход. В остальных случаях связь с Яновым Станом поддерживалась на лодках («бечевой»), а зимой — на оленях.

В 1924 г. в Яновом Стане была открыта школа, знаменитая тем, что с 1925 по 1928 гг. в ней работали ленинградские этнографы Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы, положившие начало селькупской этнографии. Вот как Г. Н. Прокофьев описывает Янов Стан: «Невелик был в 1925 г. Янов Стан: на угоре, над рекой четыре бревенчатых сруба. Постройки еще царского времени: фактория, склад, Тазовский РИК; в четвертом доме, видимо, раньше тоже были склады. В 1924 г. там помещалась школа. По стенам были прибиты нары, посередине стояли скамьи и стол. В этом помещении ученики спали, ели и занимались. Рядом была клетушка для учителя.

Коренное население в поселке постоянно не жило. Наезжали в магазин потребительского общества сдавать пушнину и закупать товары. Председателем общества был селькуп З. Безруких, продавцом — тоже селькуп Л. Андреев. Они и жили в Яновом Стане. Жила также семья бедняка-кета. Бедность его была предельной...

Селькупы стояли чумами неподалеку от поселка в лесу. Жили разбросанно, оседлых поселков не было. Наезжали в Янов Стан юраки с Таза, эвенки с верховьев той же реки, а также селькупы, кеты». «На Тазовскую школу Северным Комитетом при ВЦИКе было ассигновано 12 тыс. руб. В 1926 г. закончилось строительство нового школьного здания. Была закончена и квартира учителя, настоящая квартира: с голландскими печами, с окнами, как полагается в сибирских домах, где для защиты от морозов стоят не двойные, а тройные застекленные рамы».⁷

В 1927 г. был организован Интегралсоюз (Турухансоюз) — кооперативная организация смешанного типа, объединившая три вида деятельности — потребительско-снабженческую,

⁵ См.: Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таза // Советский Север. 1931. № 3. С. 73–75; Прокофьев Г. Н. Три года в самоедской школе // Там же. 1931. № 7/8. С. 42.

⁶ См.: Степанова О. Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе ЯНАО // Сибирь на рубеже тысячелетий. СПб., 2005. С. 40.

⁷ Цит. по: Гаген-Торн Н. И. Указ. соч. С. 94, 105–108.

промысловую и сельскохозяйственную. Первичные потребительские кооперативы населения Таза и Турухана стали превращаться в кооперативы смешанного (интегрального) типа, сочетая торгово-закупочные и кредитные функции с хозяйственной (производственной) деятельностью. С этого момента в основу кооперативной работы легло развитие промыслового хозяйства. Исходя из идеи «приближения товаров к бедняцкой массе населения», новые фактории должны были открываться в максимальной близости к местам кочевания туземцев.

Информации о факториях, возникших в этот период на Тазе и Турухане, в литературе содержится мало, ее крупинки разбросаны по разным работам. Вышеупомянутый П. В. Завадовский в 1923 г. заведовал факторией Госторга на речке Кэт-пар, впадающей в Турухан в 12 верстах выше Янова Стана. В 1925 г. «что-то можно было закупить» в Фарково — «пункте» неопределенного статуса. В это же время на притоке Турухана Верхней Баихе, в 100 верстах от устья, находилась госторговская фактория.⁸

По материалам охотоведа В. Н. Скалона, работавшего в составе экспедиции в бассейне Таза с июля 1929 г. по сентябрь 1930 г., Верхне-Тазовский родовой совет находился до осени 1929 г. на фактории Интеграла, расположенной на реке Артюгиной, притоке Енисея, и обслуживался ею. «Фактория была оторванной от Таза в течение всего теплого времени года. В связи с этим, а также по причине исторических связей, многие туземцы этого района выходили в расположенную на Енисее, удаленную факторию Сургутиха».⁹

Осенью 1929 г. на Тазу, в устье реки Матильки, обосновался Госторг, а несколько ниже, на урочище Пюльлокаймач, открылась фактория Интеграла. На факторию на реке Матильки был перенесен Верхне-Тазовский родовой совет, «но масса населения оставалась вне советского — культурного и административного охвата». Жители системы озер Лозыль-то, входящие в Тымско-Караконский родовой совет, обслуживались лавкой в селе Церковенское, удаленной от них на 300–400 км. Население верховьев реки Тольки выходило на факторию в селе Ларьяк, уда-

ленную от них также на 300–400 км. Расстояние это было недоступно маломощным хозяйствам. Немногие из этой группы выходили иногда на факторию в селе Церковенское на Тазу.¹⁰ С приходом зимы, когда начинались выходы на фактории, восстанавливался зимний «тракт», соединяющий практически все населенные пункты. Главный путь имел многочисленные ответвления к речкам, по которым «сидели» селькупы. Поддерживался он всю зиму и имел вид торной дороги, плотно укатанной вследствие значительной переборки грузов.¹¹ В работах В. Н. Скалона неоднократно упоминается также фактория Сидоровск (в нижнем течении Таза).

В 1930-х гг. процесс образования новых факторий продолжался. О том, где и какие фактории были открыты в этот период, точных сведений не сохранилось. Известно, что примерно к этому времени относится появление фактории Часелька (близ места впадения реки Часельки в Таз) и что в начале 1930-х гг. на Тазу появились фактории, из которых к концу того же десятилетия выросли первые поселки района: Красноселькупск (в урочище Локай Мач, близ устья реки Худосеи), Толька (в месте впадения реки Тольки в Таз), Ратга и Кикки Акки (в верховьях Таза).

В торгово-закупочной работе факторий не все шло гладко. Порой в магазинах факторий не хватало хлеба: с введением «норм отоваривания» его выдавали на 5–6 дней, тогда как период кочевки до следующего посещения магазина у большинства промысловиков составлял несколько месяцев. Был небогатым и ассортимент товаров. Обязательства фактории брали большие, а денег для работы им выделялось мало. Вместо денег и товаров за сданную пушнину охотникам давали расписки и облигации госзаймов. Высокие цены на ружья часто не соответствовали их качеству. Отдельные заготовители оказывались «классово чуждыми» для советской кооперации элементами и откровенно обманывали промысловое население. Имеющийся у факторий план по пушным заготовкам выполнялся далеко не всегда и т. д.

В конце 1920-х гг. стали организовываться разъездные фактории. С одной стороны, с их появлением советская кооперация достигла самых отдаленных тружеников тундры. Но с другой — к середине 1930-х гг. обнаружилась

⁸ Там же. С. 93, 94.

⁹ Скалон В. Н. В Тундре Верхнего Таза (фактические данные о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 133.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таза. С. 74.

перенасыщенность тундры заготовительными организациями. По соседству с Тазом, на реке Хадутей, зимой 1933/34 г. собралось сразу пять разъездных факторий в радиусе 20 км. В 1932 г. в Тазовском районе в одном месте оказались разъездные фактории из разных административных районов, и их служащие вместо того, чтобы работать, «занимались охаиванием работников других факторий и расхваливанием себя». Случалось даже, что заготовители разных факторий отнимали друг у друга товары. В зиму 1933/34 г. произошел скандал между факториями Туруханского района и заготовительной организацией Уралпушнина (Уральская область), чьи работники пытались заключать договоры с «пушняками», привлекая их спиртом.¹²

На вновь образованных (стационарных) факториях открывались школы (или школы-интернаты), медицинские пункты, строились бани, общежития для приезжих («заезжих») и первые жилые дома. Большое значение придавалось идеологической работе с кочевым населением, поэтому при каждой фактории имелся клуб (Красный чум), создавались комсомольские организации и отмечались революционные праздники. Поскольку идеологическая и массово-разъяснительная работа среди населения была одной из обязанностей работников факторий, особое внимание уделялось подбору кадров, в районных центрах регулярно проводились 8-месячные школы подготовки «советско-колхозного актива факторий и рыбзаводов».

На факториях организовывались также пункты засола рыбы. Служащие факторий обучали население технологии переработки и хранения рыбы, с которой оно не было знакомо; на засолочных пунктах/станциях оборудовались ледники, изготавливались бочки. Некоторые фактории с засолочными пунктами вошли в топонимику Таза как Засольные. В путину 1937 г. в районе работало 18 приемно-посолочных пунктов.¹³

С возложением на фактории обязанностей по развитию промыслового хозяйства они превратились в базу коллективизации. В бассейнах Таза и Турухана начало коллективизации положили простейшие объединения по совместному пользованию угодьями, орудиями труда и выпасу оленей: простейшие про-

изводственные товарищества (ППТ), первичные производственные объединения (ППО) и северные смешанные промысловые артели (ССПА). Они были сезонными и состояли из отдельных семей. В 1929–1930 гг. на Тазу было организовано несколько таких товариществ: «Чеваданых», «Имчемета», «Эдайел» (ненецкие) и «Машим-Пельтеш», «Окуртэн», «Окуроно» и «Окурыт» (селькупские). В общей сложности они объединяли около 40 хозяйств (из 260). На станции Фарково, в Байшенском роду, был организован коллектив из 42 хозяйств.¹⁴ Чтобы хозяйственная жизнь этих семей «пошла по руслу социалистического строительства», им были выданы целевые долгосрочные кредиты оленями, сырьем, охотинвентарем. Олени были розданы Турухансоюзу по выбору из прибывшего «из Обдорска стада в количестве 1000 голов».¹⁵ К коллективной деятельности этих товариществ относился совместный выпас оленей и совместное изготовление сетей и ловушек. Из-за непогашения кредитов и плохого руководства эти товарищества быстро исчезли. Вместо них вскоре выросли новые аналогичные хозяйственные объединения, и тоже ненадолго и т. д. Процесс замещения одних коллективных хозяйств другими продолжался все 1930-е гг. Прогресс был в том, что с каждым годом число хозяйств, охваченных коллективизацией, увеличивалось.

В 1937 г. в бассейнах Таза и Турухана действовали следующие колхозы и ППО (данные приведены с указанием кочевых советов, к которым ППО относились, землепользований и состава населения):

Чапогино-Эвенкийский кочсовет (преимущественно эвенки): ППО «Красный Север» (16 хоз. / 67 едоков) — левобережье Большой Хеты, верховье Турухана и восточная часть Советского озера; ППО «Красный эвенк» (11 хоз./ 49 едоков) — район озера Момчик, бассейн рек Луцы-яга (среднее течение) и Наду-яга, а также левобережье Варго-Сылькы (левый приток Таза); Советскоозерная группа одиночников (7 хоз. / 23 едока) — массив в районе верховий рек Пульванигды, Шуриганды, Олнер-Бира и левобережье верховий Луцы-яга, а также западная половина Советского озера.

Тазовско-Ненецкий кочсовет: колхоз «Поллярный круг» (19 хоз. / 76 едоков) осваивал

¹² См.: Дудников Н. Ф. Свет далеких факторий. М., 2005. С. 23, 24, 31–33.

¹³ См.: Степанова О. Б. Указ. соч. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Там же.

на левобережье Таза междуречье Варго-Сылькы-Тытылькы и на правобережье Таза массив от реки Канакы до среднего течения реки Луцы-яга.

Баишенский кочсовет: колхоз им. Смиловича — село Фарково (53 хоз. / 217 едоков), единоличники (26 хоз. / 136 едоков). Летние стоянки населения располагались по берегам Турухана и нижнего течения рек Верхней и Нижней Баихи. Осенью, по окончании рыбного промысла, население откочевывало с летних стоянок на верхние притоки Турухана, Верхней и Нижней Баихи для пушного промысла.

Тымско-Караконский кочсовет: колхоз им. Кирова (36 хоз. / 179 едоков) осваивал правобережье Таза, бассейн реки Кудыш (Худосея), а на левобережье — бассейн реки Пеляжьей; единоличники (37 хоз. / 202 едока) — иратская группа (левобережье Таза, бассейн реки Ираткы, а на правобережье — бассейн рек Поколькы и Деревянной); яновстанская группа (правобережье Турухана в районе фактории Янов Стан).

Верхне-Тазовский кочсовет: ППО им. Совета (6 хоз. / 21 едок) — левобережье Таза, бассейн Покалькы до впадения в нее рек Упылькы и Тюнайбалькыкы; ППО «Вперед» (12 хоз. / 40 едоков) — левобережье Таза в междуречье реки Карылькы и в междуречье рек Кайматкыкы и Тюнайкы; ППО «Ударник» (9 хоз. / 41 едок) — левобережье Большой Ширты (правый берег Таза) и правобережная часть ее до рек Варго-Кикка и Няркольчар. Эта и следующая группы издавна и постоянно осваивали бассейн Большой Ширты, поэтому среди местного населения они носят название «Ширтинские люди»; ППО им. Стаханова (6 хоз. / 26 едоков) — правобережье Таза, междуречье Большой Ширты и Койкы до рек Варго-Кикки и Няркольчар (правые притоки Большой Ширты); ППО «Стахановец» — бассейн реки Печалькы и в левобережье Таза левые притоки реки Толькы до озера Пюрмальту и массив между Тазом и рекой Кытылькы (левые притоки реки Часалькы); единоличники (90 хоз. / 383 едока) — матыльская группа (район верховий Таза к югу от урочища Лакай Мач); налимьеозерская группа (район Налымьего озера); раттинская группа (бассейн рек Ратта и Таза от реки Аляйкинс до урочища Лакаймач); киккиакская группа (на левобережье Таза верховья реки Коралькы, междуречье Ватылькы-Катылькы, а на правобережье — массив реки Койкы и северной границей совета).

Средне-Тазовский кочсовет: ППО «Стахановец» (Печальская группа) (12 хоз. / 59 едо-

ков) — бассейн реки Печалькы (правый приток Таза) и Таза в районе устья реки Печалькы; ППО им. Ворошилова (10 хоз. / 46 едоков) — левобережье Таза, бассейн реки Часалькы до ее среднего течения; единоличники (42 хоз. / 204 едока) — часальская группа (среднее течение реки Часалька); чертозерская группа (район озер Лозыль-то и реки Тольки до вершин).¹⁶

В колхозах и ППО сохранялись традиционные виды хозяйственной деятельности населения, такие как охотничий промысел, рыболовство и оленеводство, но осуществлялись они теперь новыми — коллективными — методами. Рыболовный промысел велся артельно и приобрел товарное значение, а фактории обеспечивали приемку, переработку, хранение, вывоз и сбыт добытой рыбы. Традиционные орудия рыбного промысла — самодельные сети и запоры — теперь изготавливались организованно, большие же сети и невода промышленного производства, прежде почти не использовавшиеся в селькупском рыболовстве, выдавались коллективным хозяйствам на факториях. В ППО и колхозах стали появляться лодки: они были крупнее и устойчивее долбленых челноков, которыми пользовались селькупы. После ихтиологических обследований районных водоемов вылов рыбы стал производиться регламентировано. Охотники также частично обеспечивались орудиями лова через фактории. Служащие факторий вели разъяснительную работу относительно рационального использования имеющихся у охотников орудий лова и регулярного их осмотра. В хозяйствах была взята ориентация на крупностадное оленеводство, но обобществления частных оленей в этот период не было. Советское государство оказывало помощь селькупским колхозам, закупая для них оленей в других районах. Все ППО и колхозы имели государственный план, развивали ударничество и участвовали в социалистическом соревновании.

Как показывает вышеприведенный перечень колхозов и ППО, в 1937 г. вне коллективного хозяйства оставалось большое количество единоличников. Из этого можно заключить, что коллективизацию на Тазе и Турухане не форсировали, давления на население (на середняков, единоличников) не было, коллективизация происходила добровольно. В колхозы завлекали посредством наглядной агитации и мер материальной помощи. На начальном

¹⁶ Туруханский райгосархив. Т. 1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–17.

этапе в коллективизации участвовали самые бедные, заинтересованные в ней слои населения Таза и Турухана. В одной из своих работ В. Н. Скалон приводит обращенную к советской власти просьбу остяко-самоеда: «Ты говоришь — у русских там советская власть, так приедешь, скажи там какому начальнику, мы к ней приехать не можем, сам видишь, так пусть она к нам приедет, а то что ж — нам и доли нет».¹⁷ Есть все основания полагать, что советские идеи нашли в среде селькупов благодатную почву.

О том, что вступать в колхозы никого не заставляли, а выходявших из артелей членов не удерживали и к единоличникам относились по-товарищески, свидетельствуют также документы заседаний президиумов кочевых советов. В одном из протоколов записано: «Постановили: Территорию, отведенную в пользование артелей “Стахановец” и им. Ворошилова, существовавших в 1936 г., а к началу 1937 г. распавшихся, оставить в пользование единоличного сектора Средне-Тазовского кочевого совета». В другом документе указано: «Выходу членов из ППО возражений не иметь и препятствий не создавать, осуществляя таковые в порядке сталинского устава о добровольных началах». Спорные вопросы между руководством артелей и их коллективами решались обычно в пользу последних, например так: «ППО им. Совета. Поступило заявление со стороны группы Налимьего озера по разделу “Рыбный промысел”: нагрузку на 1 ловца надо указать 12 ставных сетей, а 20 ставных сетей нагрузка невозможная для выполнения. Постановили: В разделе “Рыбный промысел” в отношении нагрузки на одного ловца считать 12 ставных сетей, а не 20 сетей».¹⁸

В конце 1930-х гг. на Тазу и Турухане появились первые поселки выросшие из факторий — Сидоровск, Красноселькупск, Толька, Ратта, Кикки-Акки, Фарково и Нижняя Баиха (Фактория) с населением около 100 жителей в каждом. В них располагались органы местной власти и усадьбы/правления колхозов. В каждом из поселков работал рыбучасток и была звероферма, имелись также кооперативный торгово-закупочный пункт, школа (или школа-интернат), радиостанция, метеостанция, фельдшерско-акушерский пункт, почта, пекарня, «заезжая», клуб, отделение сберкассы, несколько жилых домов. Административным центром тазовских земель стал поселок Крас-

носелькупск, в названии которого отразились изменения, происшедшие с населением Таза под влиянием революционных идей.

Итак, опорными пунктами первых революционных преобразований среди населения Таза и Турухана стали фактории. Основной функцией факторий, возникших еще в царское время, было снабжение кочевого населения продовольствием, боеприпасами и мануфактурой в обмен на продукцию охотничьего и рыболовного промыслов. Фактории принадлежали торговым кооперативным обществам. С приходом советской власти товарообмен, приостановленный экономическим кризисом времен Гражданской войны, был возрожден и значительно расширен за счет открытия новых факторий. Первыми шагами советской власти стала отмена ясака и долгов инородцев перед русскими купцами и предпринимателями, а также кампания обеспечения кочевого населения Туруханского края продовольственным пайком, проводившаяся с опорой на фактории и позволившая попутно произвести учет населения. Вслед за этим фактории превратились в базы советского государственного строительства: здесь проходили съезды родов и племен, на которых избирались органы народного самоуправления — кочевые советы и туземные революционно-исполнительные комитеты. Кочсоветы и тузрики размещались также на факториях. С середины 1920-х гг. радикальные изменения стали происходить в хозяйственной сфере, и обязанность быть проводником хозяйственных реформ снова досталась факториям. На их базе для кочевого населения были организованы потребительские кооперативы, а затем новые формы хозяйственных объединений — первичные производственные общества/товарищества/артели и колхозы. Через фактории первые коллективные хозяйства на основе кредитования получали средства производства (сети, невода, капканы, лодки, бочки и пр.), здесь шло обучение новым методам ведения хозяйства, организовывалось соцсоревнование. Вместе с тем фактории продолжали снабжать население Таза и Турухана продовольствием. Служащие факторий этого периода должны были быть политагитаторами, культпросветработниками, продавцами-товароведами, охотоведами, зоотехниками, знатоками рыбозаготовок и т. д., поэтому они проходили специальную подготовку в районных центрах. Роль факторий уменьшилась, когда в районе возникли первые поселки (также на базе факторий), где работали органы власти и управления колхозов.

¹⁷ Скалон В. Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 62.

¹⁸ Туруханский райгосархив. Т. 1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 54–55.

Olga B. Stepanova

Candidate of Historical Sciences, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: *stepanova67@mail.ru*

RED SELKUPS: THE REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS AMONG
THE TAZ AND TURUKHAN POPULATION

The study is focused on the period of the first revolutionary transformations in the life of the northern Selkups. The first actions of the Soviet power in relation to all the nomadic peoples of the Turukhansky region was the cancellation of taxes and their debts to the Russian merchants, as well as the provisioning campaign in support of the local population using the factories — the trading and procurement centers in the remote fishing and hunting areas — as the basis for this campaign. In later periods the factories were turned into the Soviet state-construction centers: they served as the venues for the congresses of clans and families, which elected the local government bodies — the nomadic Soviets and the indigenous clans executive committees which were also housed in the same facilities. From the mid 1920s the economy underwent dramatic changes, and the factories became the drivers of the economic reforms. The authorities organized the consumer cooperatives on their basis, and later the new forms of economic entities - the primary production companies and the collective farms. The first collective farms received state loans via the factories for obtaining the necessary production means (fishing nets, seines, traps, boats, barrels, etc.), the centers also offered coaching in the new methods of organizing the economy, and organized socialist competition. At the same time they maintained their primary trading and procurement function. The personnel of the factories of that time consisted of the salesmen-goods managers, political agitators, culture and education officers, game managers, livestock managers, fishing industry specialists, etc. The role of the factories declined with the appearance of the first settled communities in the area.

Key words: *Selkup, history, ethnography, factories, revolution, transformations, cooperation, collective farms, Turukhansk region*

REFERENCES

- Dobrova-Yadrintseva L. N. *Tuzemtsy Turukhanskogo kraya* [The natives of Turukhansk region]. Novonikolaevsk: Sibrevkom Publ., 1925, 101 p. (in Russ.).
- Dudnikov N. F. *Svet dalekikh faktoriy* [Light of distant factories]. Moscow: Vertikal Publ., 2005, 192 p. (in Russ.).
- Gagen-Torn N. I. [Prokofievs in the Janov Stan]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1992, no. 4, pp. 91–110. (in Russ.).
- Ostrovskikh P. E. [The Baixin Ostyaks (Ostyako-Samoyeds) of the Turukhansk region in the late 19th century]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1931, no. 7/8, pp. 161–181. (in Russ.).
- Prokofev G. N. [Three years at the Samoyed school]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1931, no. 7/8, pp. 143–160. (in Russ.).
- Skalon V. N. [In the Tundra of the Upper Taz]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1930, no. 3, pp. 129–139. (in Russ.).
- Skalon V. N. [Magnates of the North]. *Okhotnik i rybak Sibiri* [Hunter and fisherman of Siberia], 1929, no. 2, pp. 57–62. (in Russ.).
- Skalon V. N. [Reindeer husbandry in the basin of the river Taza]. *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1931, no. 3, pp. 70–87. (in Russ.).
- Stepanova O. B. [The present situation of the indigenous small-numbered peoples of the North in the Krasnoselkup district of the YNAO]. *Sibir na rubezhe tysyacheletiy* [Siberia at the turn of the millennium]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2005, pp. 30–66. (in Russ.).